

УДК 811.161.1'81:39

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-119-126

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ МОДЕЛИ МИРА В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЖЕНСКОЙ ПРОЗЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. МАТВЕЕВОЙ И Э. ГИЛБЕРТ)

© Гузель Насибуллова

VERBALIZATION OF THE SPATIAL MODEL OF THE WORLD IN MODERN RUSSIAN AND ENGLISH WOMEN'S PROSE (BASED ON THE WORKS OF A. MATVEEVA AND E. GILBERT)

Guzel Nasibullova

The article analyzes the explication of the spatial model of the world in modern women's fictional discourse. The focus of attention is on the ways of constructing space and their linguistic representation in the works of A. Matveeva and E. Gilbert, modern women authors of Russian and English literature. A comparative analysis of the two pieces of discourse helps to reveal the individual characteristics of the female authors, as well as the national characteristics of the two linguistic worldviews. The research is aimed at identifying the influence of gender identity on the formation of a spatial model of the world. The novelty of this work lies in the fact that for the first time it has examined the peculiarities of space perception by modern female authors. As a result of the research, we determined the parameters of space perception by the female authors. The analyzed material showed that the main features of A. Matveeva and E. Gilbert's space are "length", "volume", "livability", "openness", "evenness" and "spaciousness". The article highlights the following parameters in the spatial model of the analyzed authors' world: features of the objects' location; binary signs of space characteristics; correlation of the category "ours-theirs"; horizontal and vertical perception of space; temporal significance of space. The spatial model of A. Matveeva is built in the form of a straight line; among binary oppositions, "top-bottom" and "in front-behind" prevail; the key spatial loci are apartment, temple, camino and albergo; the discourse describes the space that surrounds her, where she is in the center. In her fictional discourse, the key binary opposition is "heaven-earth". To achieve the goal, we used the following methods: descriptive, comparative, contextual and a stylistic analysis.

Keywords: space, models, A. Matveeva, E. Gilbert, linguistic representation, parameter

Данная работа отражает результаты анализа экспликации пространственной модели мира в современном женском художественном дискурсе. В фокусе внимания находятся способы конструирования пространства и их языковая репрезентация в произведениях А. Матвеевой и Э. Гилберт – современных авторов-женщин русской и английской литературы. Сравнительный анализ двух дискурсов способствует раскрытию индивидуальных особенностей авторов-женщин, а также национальных особенностей двух языковых картин мира. Исследование направлено на выявление влияния гендерной идентичности на формирование пространственной модели мира. Новизна данной работы заключается в том, что в ней впервые рассматриваются особенности восприятия пространства современными авторами-женщинами. В результате исследования определяются параметры восприятия пространства автором-женщиной. Проанализированный материал показал, что основными признаками пространства А. Матвеевой и Э. Гилберт являются «протяженность», «объем», «обжитость», «открытость», «ровность», «вместительность». В пространственной модели мира анализируемых авторов выделены следующие параметры: особенности расположения объектов, бинарные признаки характеристики пространства, соотнесенность категории «свой – чужой», горизонтальное и вертикальное восприятие пространства, временная значимость пространства. Пространственная модель А. Матвеевой построена в форме прямой линии, из бинарных оппозиций преобладают «верх – низ», «вперед – позади», ключевыми пространственными локусами являются квартира, храм, камин, альберго, а в дискурсе описывается пространство, которое окружает ее, где она является в центре. В ее художественном дискурсе ключевой бинарной оппозицией является «небо – земля». Для достижения цели были использованы следующие методы: описательный, сравнительный, контекстуальный и стилистический анализ.

Ключевые слова: пространство, модель, А. Матвеева, Э. Гилберт, языковая репрезентация, параметр

Для цитирования: Насибуллова Г. Вербализация пространственной модели мира в современной русской и английской женской прозе (на материале произведений А. Матвеевой и Э. Гилберт) // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 119–126. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-119-126

Пространство – фундаментальный аспект человеческого восприятия и организации жизни. Это не просто пустота, заполненная объектами, а сложная, многомерная конструкция, определяемая как физическими, так и социальными, культурными факторами. Пространство, как многослойная структура, служит предметом осмысления и исследовательской практики. Человек при восприятии пространства членит его на локусы через призму личных восприятий и социальных конструктов, что порождает множество интерпретаций. При этом пространство наполняется эмоциональным содержанием, каждая деталь обретает символическое значение, отражая внутренние переживания человека и его связь с окружающим миром. Важно учитывать, что пространство оценивается через категорию «свой – чужой». Свое пространство зачастую воспринимается как безопасное и знакомое, в то время как чужое вызывает страх и неопределенность. Этот бинарный контекст определяет не только чувственные восприятия, но и культурные нарративы, создавая так называемую «картину мира». В художественном произведении пространство не только место, где происходит действие, это место встречи различных культурных кодов, где локус становится своеобразным символом идентичности и принадлежности. Таким образом, изучение пространства и его интерпретаций в национальной лингвокультуре открывает новые горизонты для понимания взаимодействия человека с миром.

В данной работе рассматриваются параметры формирования пространственной модели мира (ПММ) и ее ключевых образов, а также их языковой репрезентации в современном русском и английском женском художественном дискурсе. Пространственная модель мира представляет собой вербализованную совокупность представлений человека о том, как устроено пространство, включая как физические, так и абстрактные его аспекты. Это понятие охватывает не только те пространства, с которыми мы можем взаимодействовать непосредственно, но и те, которые существуют в нашем воображении или культуре, но не могут быть непосредственно восприняты. В контексте художественного дискурса, особенно женского, ПММ становится важным инстру-

ментом для передачи индивидуального и коллективного опыта, а также для выражения социальных и культурных реалий [1, с. 7]. Она имеет характеристики формирования и репрезентации, а также проявляется в человеческом сознании в виде образов и местоположений.

Пространство, как фундаментальное понятие, всегда занимало центральное место в исследованиях лингвистов и культурологов. Его вербализация, то есть описание с помощью языка, – сложная и многогранная задача, требующая междисциплинарного подхода (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Н. Н. Болдырев, В. Г. Гак, Е. С. Кубрякова, Дж. Лакофф, Ю. М. Лотман, З. Д. Попов, Е. В. Рахилина, Ю. С. Степанов, Р. М. Фрумкина, Е. С. Яковлев и др.). Эти исследования охватывают разнообразные лексические единицы – от существительных, обозначающих объекты пространства, до прилагательных, глаголов, наречий и предлогов, имеющих ключевое значение для установления пространственных связей. Однако существующие исследования часто ограничиваются рассмотрением отдельных аспектов проблемы. Например, одни работы фокусируются на грамматической категории локативности, анализируя морфологические и синтаксические средства выражения пространственных отношений. Здесь стоит упомянуть работы, посвященные анализу пространственных образов в произведениях М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, И. А. Бунина, А. П. Чехова, В. В. Быкова и других классиков русской литературы. В этих работах часто анализируется роль пространства в создании атмосферы, раскрытии характеров героев и развитии сюжета. Но отсутствует системный подход, объединяющий лингвистический и литературоведческий анализы. Кроме того, мало внимания уделяется когнитивному аспекту, то есть тому, как наше восприятие пространства влияет на то, как мы его описываем. Важно также учитывать культурные различия в восприятии и описании пространства. В разных культурах пространственные ориентиры и способы их обозначения могут значительно отличаться. Системное описание средств экспликации пространственной модели мира в художественном дискурсе должно учитывать все эти факторы: грамматические категории, когнитивные механизмы,

культурные особенности и художественные приемы, которые в совокупности способствуют созданию полной и адекватной картины того, как пространство представлено в языке и как это представление отражает особенности нашего восприятия мира и культуры.

Пространство можно охарактеризовать по множеству признаков, среди которых выделяются такие, как объем, протяженность, ровность, обжитость, незаселенность, открытость, вместительность и соответствие мере. Эти характеристики формируются в результате взаимодействия познающего субъекта с окружающим миром. В процессе познания человек конструирует пространство, воспринимая его через призму вещей и объектов, которые его окружают. Для удобства восприятия пространство часто делится на различные зоны или локусы, что позволяет лучше ориентироваться в нем и упрощает взаимодействие с ним. Кроме того, пространство обладает такими свойствами, как «наглядность», «перцептуальность» и «восприимчивость». Эти характеристики отражают способность человека фиксировать пространственные объекты и их отношения с помощью чувственных образов, которые могут быть выражены через образную лексику и метафорические модели.

Пространство становится основой для формирования картины мира (КМ), которая представляет собой результат активности индивидуума. Картину мира можно рассматривать как вербализированное отображение в сознании человека знаний, умений, навыков и стратегий поведения, которые были приобретены или переданы культурой. Таким образом, пространство становится неотъемлемой частью картины мира, задавая ее структуру и границы как для отдельного человека, так и для целого социума. Человек выступает центральной точкой в процессе восприятия и моделирования пространства, это означает, что именно вокруг индивидуума организуется и структурируется окружающий его мир. Это подтверждает антропоцентричность восприятия пространства и представлений о пространстве.

Восприятие пространства основывается на противоположные ориентиры, такие как «свое – чужое», «близкое – далекое», «горизонтальное – вертикальное», «верх – низ». Эти оппозиции не только формируют наше понимание окружающего, но и определяют эмоциональную окраску нашего опыта. В каждом из этих противоположностей скрыто множество нюансов, которые раскрываются в зависимости от культурных, социальных и индивидуальных факторов.

Материалом нашего исследования является женская проза, в связи с чем мы считаем, что при

выделении параметров восприятия пространства необходимо учитывать гендерные особенности индивидуума. Изучая особенности женского восприятия пространства, исследователи отмечают, что женский жизненный мир включает в себя вещи в их временности, функциональности, ситуативности; здесь важны не столько сами наличествующие вещи, сколько гармония их взаиморасположения. Предметы для женщины определяют не только ее личность, но они еще являются выражением их личности; гораздо важнее, чтобы какой-либо объект ассоциировался с памятью: он может напоминать о давних или текущих отношениях, о любимых людях [2, с. 58]. Эти аспекты подчеркивают, как именно объекты в жизни женщин могут служить связующими нитями с их эмоциями и воспоминаниями, формируя уникальную атмосферу жизни. Основываясь на это утверждение, мы считаем, что в ПММ авторов-женщин целесообразно выделить параметр временной значимости пространства.

Материалы нашего исследования позволяют выделить следующие параметры ПММ в произведениях А. Матвеевой «Камин Святого Якова» [3] и Э. Гилберт «Eat, Pray, Love» [4]:

- особенности расположения объектов;
- бинарные признаки характеристики пространства;
- соотносительность категории «свой – чужой»;
- горизонтальное и вертикальное восприятие пространства;
- временная значимость пространства.

Произведения А. Матвеевой и Э. Гилберт по жанру можно отнести к путевым заметкам. Авторы изображают женщин, которые оказываются на эмоциональном перепутье и отправляются в путешествие с надеждой найти душевный покой. Их физические путешествия превращаются в эмоциональные и духовные поиски самопознания. Во время пути они размышляют о своей жизни и рассуждают об отведенных им социальных ролях. Различные пространства, в которых они обитают, побуждают их подвергать сомнению традиционные гендерные роли и ожидания в попытке понять свою женскую идентичность. В обоих произведениях повествование ведется от первого лица, дается ориентация на бессознательное и проживание травматического опыта. Исходя из этого, мы можем утверждать, что в данных произведениях описывается личная пространственная картина мира авторов-женщин.

Особенности расположения объектов выявляются в определении их геометрического расположения, тем самым указывая на положение объекта или на его передвижение из одной точки в другую. Ученые считают основопола-

гающей категорию «местонахождение – перемещение» при анализе пространственных характеристик. Она выражает концепцию его неподвижности (расположение) или же подвижности (движение). Расположение объектов определяется по трем локализациям: я в виде точки или трехмерного пространства, в виде линии или плоскости, в виде окружности либо ее части.

В художественном дискурсе А. Матвеевой пространство воспринимается в основном в виде линии или плоскости, которое вербализуется такими лексическими единицами, как «через», «мимо», «вблизи», «далеко», что объясняется жанром произведения и событиями, которые описываются в нем: «иду мимо городка Фонсебадон» [3, с. 71], «вблизи места, куда приплыла лодка с мощами святого Якова» [Там же, с. 83].

Оля в пути, она идет и описывает то, что видит впереди. Путь (дорога) как пространственно-маркированный локус имеет особый статус в русской лингвокультуре. В литературно-художественном произведении дорога служит метафорой жизни. Как подчеркивает Л. Г. Бабенко, именно по ней строится пространство в художественном тексте [5, с. 183]. В русской культуре выделяют важное противоречие между концепциями «дорога» и «дом», которые отражают аспекты национальной самоидентификации. Исследователи подчеркивают, что эти понятия символически взаимодействуют и обогащают друг друга через свои значения [6, с. 52]. «Русский дом подразумевает дорогу, как свой другой, не всегда проявленный полюс» [7, с. 33].

В ПММ А. Матвеевой две дороги: первая – по которой идет главная героиня, вторая – ее внутренний мир:

«иду мимо городка Фонсебадон, но не вижу его, потому что прохожу прямо сейчас совсем другой путь: его тоже не видно, но он существует. <...> Скалистые подъемы, камни под ногами и промышленная зона вблизи Леона не годятся в подметки той дороге, которую я прохожу в своих мыслях [3, с. 81].

В ПММ Э. Гилберт преобладает локализация в виде точки, или трехмерного пространства, которая эксплицируется лексическими единицами *in the middle, next to, on my right, on my left, near, over, around* и т. д. Если в художественном дискурсе А. Матвеевой у героини есть конкретная цель – физически дойти до камино Святого Якова, хотя она не знает, для чего это ей нужно, что подчеркивается прочерком в анкетах в пункте «цель вашего визита», героиня Э. Гилберт находится в середине объектов, у нее нет цели, она не знает, для чего идет, она просто понимает, что в прежней жизни ей плохо, нужно отсюда уйти:

«sat down in the middle of the road like that and said, in the middle of her life» [4]. – «вот так села посреди дороги и сказала посреди своей жизни» (здесь и далее перевод наш. – Г. Н.).

В. Н. Топоров «бинарные признаки характеристики пространства» вносит в основные параметры модели мира. Исследователь указывает, что в этом контексте важно отметить, что человек не является пассивным наблюдателем, а активно формирует и преобразует свой мир. Взаимодействие между индивидуумом и окружающей средой происходит на уровне восприятия, где каждое событие, каждый элемент среды интерпретируется через призму человеческого опыта и культурных координат. Это создает уникальную картину реальности, в которой преобладают антропоцентрические акценты, часто пренебрегающие объективной природой самой среды [8, с. 161].

В художественном дискурсе А. Матвеевой «бинарные признаки характеристики пространства» эксплицируются такими наречиями, как «верх – низ», «рядом – далеко», «впереди – сзади».

Параметр «верх – низ» В. В. Красных соотносит в параллельный ряд с параметрами «жизнь – смерть» [9, с. 51]. В пространственном значении оппозицию «жизнь – смерть» можно интерпретировать как «путь человека с поверхности земли в ее недра». Например, это ярко выражено в следующем примере, где во время рассказа тети Юли по телефону о приближающемся астероиде к Земле Оля спускается вниз:

«мы все равно все умрем скоро ... хорошо, что Оля пошла в тот поход! Хотя бы мир посмотрит, пока он есть. ...Мы как раз спускались вниз по каменистой дорожке» [3, с. 37].

Спуск вниз означает смерть, внизу находится потусторонний мир.

Бинарный параметр «верх – вниз» также указывает на местонахождение:

«В памяти эти подробности лежат на самом дне, но вино взбаламучивает их и выносит на поверхность. Пускай улягутся миром» [Там же, с. 52].

В следующем примере параметр «далеко – близко» передается через «далеко – рядом», оно сплетается с характеристикой «свой – чужой»:

«с тем довольно приятным мужчиной, который сидел вчера рядом со мной в автобусе, а сейчас стоит в самом начале очереди за паспортами» [Там же, с. 63].

Параметр «свой – чужой» относится к базовой когнитивной системе, который основывается на противопоставлении двух пространственных зон. Традиционно «свой» соотносят с личной зоной пространственного кода, он отождествляется с хорошо знакомым миром, отображенным знаками языка, в то время как «чужой» располагается далеко, за природными преградами.

В ПММ А. Матвеевой параметр «свой» репрезентируется различными языковыми единицами, в частности «наша», «у себя дома», «собственная квартира», «родной», «мамина», «Екатеринбург», «Россия»:

«Я вспоминаю свою квартиру, где родилась, выросла, состарюсь и умру, – даже когда отключают электричество, я на ощупь нахожу здесь все что нужно. Не промахнусь, отыскивая в потемках любимую чашку – голубая и зеленая. ... В шифоньере – еще бабушкином – висят мамины платья и кофточки, в комодике аккуратными стопками разложено белье» [Там же, с. 75];

«шумит в ушах родной кровью» [Там же, с. 10].

Параметр «свой» носит аксиологическую значимость. В следующем примере представлены ценностные локусы ПММ автора:

«неужели этот астероид действительно уничтожит Землю? И не будет ни Москвы, ни Екатеринбурга, ни этого моста, ни реки, ни маминой могилы?» [Там же, с. 39].

В ПММ А. Матвеевой категория «свой – чужой» дается в прямом противопоставлении как местонахождение: *«в детстве я знакомилась в основном с католическими святыми – и не в храмах, а прямо у себя дома»*.

Противопоставление «свой – чужой» в ПММ Э. Гилберт эксплицируется не только в значении физического расстояния, но и в чувствительном плане:

«... I have no business being here because Level Two is really impossibly hard. I feel like I'm swimming, but barely. Like I'm taking in water with every breath» [4]. – «мне здесь не место, потому что второй уровень действительно невыносимо сложен. Я чувствую, что плыву, но еле-еле. Как будто глотаю воду с каждым вздохом».

К параметру «свой» мы относим не только ближнее пространство на расстояние руки, но и внутренний мир. «Внутренний мир – микрокосмос человека, находящийся внутри телесной оболочки», в котором находятся эмоции, мысли [10, с.17]. Исследователи в качестве локусов

внутреннего мира человека выделяют сердце, душу, голову.

Понятие «своего» и «чужого» уходит корнями в древнейшую оппозицию «внутри» и «наружи», фундаментальную для человеческого восприятия. Эта граница – не просто физическая, но и глубоко психологическая, определяющая наше чувство идентичности и отношения к миру. В. В. Красных выделяет внутренний мир человека, границами которого является его собственное тело, как один из составляющих в структуре пространства [11]. Мы в ПММ авторов-женщин внутренний мир рассматриваем в рамках параметра «свой».

Параметр «свой» имеет границы, переступая их попадаешь в «чужое» пространство. В ПММ Э. Гилберт эти границы определяются не только физически, но и в духовном плане:

«Moreover, I have boundary issues with men. ... To have issues with boundaries, one must have boundaries in the first place, right? But I disappear into the person I love» [4]. – «Более того, у меня проблемы с границами в отношении мужчин. Чтобы иметь проблемы с границами, нужно изначально иметь границы, верно? Но я растворяюсь в человеке, которого люблю».

Внутреннему миру свойственны «объем», «глубина», «вместительность»:

«... I felt a clear pinpoint of light ignite within me / я почувствовала, как внутри меня загорелась ясная точка света; ... somewhere from within me, rises a now-familiar presence». – где-то внутри меня, возникает теперь знакомое присутствие»; «... I could feel an extra inch of daylight opening in my mind» [Там же]. – «я почувствовала, как в моем сознании появился еще один дюйм дневного света».

Особое место в ПММ Э. Гилберт занимает бинарная оппозиция «небо – земля». Небо для автора – это что-то идеальное, недостижимое, это не только пространство, но и чувство:

«... specific, constant, clear-sky, unrelated-to anything, never-shifting, nameless and changeless perfection of my own happiness» [Там же]. – «...то самое, неподвижное, чистое небо, не связанное ни с чем, никогда не меняющееся, безымянное и неизменное совершенство моего собственного счастья».

Горизонтальная плоскость в ПММ А. Матвеевой связана дифференциацией пространства на локусы *дома, квартиры, Екатеринбурга, Москвы, камино, храма, альберго, моста*, выраженные в художественном дискурсе соответствующими номинациями, их синонимами, а также метафорическими моделями.

Горизонтальная плоскость в ПММ Э. Гилберт шире и разнообразнее, самыми частотными локусами являются следующие: *Italy, apartment, India, New York, Indonesia, flat, apartment, café, house*. Идеальное окружение для женщины в ПММ Э. Гилберт представляется следующим образом:

«a big, busy household full of children and home-made quilts, with a garden in the backyard and a cozy stew bubbling on the stovetop» [Там же]. – «огромный дом, который полон детей и самодельных одеял, сад на заднем дворе и домашнее рагу, кипящее на плите».

Место выражает не только физическое расположение, но и эмоциональное состояние. В следующем примере местонахождение героини ассоциируется с ее эмоциональным состоянием, угол – это безвыходное положение, где нет пространства двигаться вперед. Повторение выражения «*the same old*» также усиливает данное значение:

«I was curled up in the same old corner of my same old couch in tears yet again over the same old repetition of sorrowful thoughts» [Там же]. – «свернувшись калачиком в том же старом углу моего старого дивана в слезах из-за того же повторения печальных мыслей».

В ПММ рассматриваемых авторов одиночество имеет пространственное значение. Для А. Матвеевой одиночество является пространством, где находится героиня произведения:

«с Соледад мы познакомились именно тогда, когда я обжилась в своем одиночестве, населенном болтливыми тенями» [3, с. 53];

«зачем привязывать к себе человека морскими узлами, если знаешь, что оставишь его однажды – и он будет выживать в одиночестве?» [Там же, с. 72]

Также одиночество в значении окружающего пространства эксплицируется в ПММ Э. Гилберт:

«Learn your way around loneliness. Make a map of it» [4]. – «Научись обходиться с одиночеством. Составь его карту».

Э. Гилберт наделяет одиночество антропоцентристическим качеством, это не само пространство, а субъект в нем:

«They come upon me all silent and menacing like Pinkerton Detectives, and they flank me-Depression on my left, Loneliness on my right. ... This is no place they belong» [Там же]. – «Они (депрессия и одиночество) нападают на меня, все молчаливые и угрожающие, как детективы Пинкертона, и они окружают меня с

двух сторон – Депрессия слева, Одиночество справа. ... Это не то место, где им можно быть».

Вертикальная плоскость восприятия пространства делится на мирское и сакральное. Последнее связано с концепциями о «том» свете, где обитают души умерших и различные сущности. И в горизонтальной, и в вертикальной плоскостях восприятия пространство разделяется по принципу «свой – чужой». Кроме того, для такого восприятия характерна идея о движении субъекта, то есть о перемещении между плоскостями. В художественном дискурсе А. Матвеевой вертикальное пространство – это мир, где сейчас находится мама героини. Иной мир эксплицируется указательным местоимением «там», автор выделяет его курсивом:

«как у нее *там* дела» [3, с. 13].

Вертикальное пространство не доступно, его не видно:

«где-то он был, недоступный мне мир, где мама жива и смеялась, прикрывая рот ладонью» [Там же, с. 14].

ПММ в художественном дискурсе Э. Гилберт состоит из уровней, на каждом уровне человек встречается с препятствием. Пространство автора строится по архетипической многоуровневой модели мира:

«How very many layers we operate on, and how very many influences we receive from our minds, our bodies, our histories, our families, our cities, our souls and our lunches!» [4]. – «На скольких уровнях мы действуем, и как много влияний мы получаем от наших умов, наших тел, наших историй, наших семей, наших городов, наших душ и наших обедов!»

В отличие от мифологического мира, сакральный мир для Э. Гилберт не на небе, а рядом, он находится во внутреннем мире человека:

«...God does not live in a dogmatic scripture or in a distant throne in the sky, but instead abides very close to us indeed-much closer than we can imagine, breathing right through our own hearts» [Там же]. – «...Бог живет не в догматическом писании или на далеком небесном престоле, а действительно очень близко к нам – гораздо ближе, чем мы можем себе представить, дышит прямо в наших сердцах».

Женская ПММ характеризуется цикличностью и глубокой связью с вещами, наполненными личными смыслами. В нем важно не наличие предметов, но их взаимосвязь является ключевым аспектом, который создает гармоничное

пространство, связанное с временем. Это не просто «вещи в себе», а элементы сложной системы, где каждый объект вплетен в ткань воспоминаний, эмоций и отношений.

В ПММ А. Матвеевой проводится связь с прошлым и между каждым увиденным новым местом. Автор из физического пространства в мыслях перемещается в прошлое:

«Мы шли по раскисшей, чавкающей дороге под проливным дождем. <...> В тот день много лет назад тоже шел дождь» [3, с. 57].

В ПММ Э. Гилберт пространством, которое связывает Лиз с прошлым, является «on the bathroom floor», самое частотное в романе из пространственных лексических единиц, упоминается 21 раз. Данный локус имеет значение для героини не только как место в доме, но и выражает эмоциональное состояние, ее жизнь делится на до и после местонахождения в данном локусе:

«... The bathroom, always the bathroom! Heaven helps me, but there I am in a bathroom again, in the middle of the night again, weeping my heart out on the floor in loneliness. Oh, cold world-I have grown so weary of you and all your horrible bathrooms» [4]. – «Ванная, всегда ванная! Да помогут мне небеса, но я снова в ванной, снова посреди ночи, и в одиночестве изливаю душу на полу. О, холодный мир, я так устала от тебя и всех твоих ужасных ванных комнат».

Таким образом, восприятие пространства авторами-женщинами представляет собой сложный процесс, в котором они не только воспринимают окружающую нас среду, но и активно анализируют ее, разделяя целое на составляющие элементы. Это разделение позволяет нам осознать структуру пространства и его функциональные особенности.

Анализ практического материала показал, что авторы-женщины при восприятии пространства обращают внимание на геометрическое расположение объекта, также важную роль играет противопоставление, где частотными оппозиционными точками являются «впереди – сзади», «верх – низ». Пространственная модель мира женщин строится на двух плоскостях: горизонтальной и вертикальной. А. Матвеева и Э. Гилберт делят мир на «свой – чужой», где «свой» соотносится не только физическими объектами, как дом, квартира, страна, но и с внутренним миром, душой героини. Отличительной чертой пространственной модели в художественном дискурсе авторов-женщин является восприятие пространства в связи с временным значением, то есть то или иное место в сознании

женщины связано с каким-либо важным событием в ее жизни.

ПММ А. Матвеевой построена в форме прямой линии, из бинарных оппозиций преобладают «верх – низ», «впереди – позади», ключевыми пространственными локусами являются *квартира, храм, камино, альберго*. ПММ Э. Гилберт отличается тем, что автор описывает пространство, которое окружает ее, она сама в центре объектов. В ее художественном дискурсе ключевой бинарной оппозицией является «небо – земля».

Список источников

1. Дмитриева Ю. Л. Языковые средства выражения пространственной модели мира и ее ключевых образов: на материале произведений С. А. Есенина: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: Горловка, 2024. 46 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01012962571> (дата обращения: 29.09.2024).
2. Хафизова Н. А. Гендерные особенности пространственно-временного бытования // Культура и искусство. 2017. № 5. С. 54–67.
3. Матвеева А. Спрятанные реки. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2023. 250 с.
4. Elizabeth Gilbert. Eat, pray, love. URL: <https://studfile.net/preview/4344606/> (дата обращения: 30.09.2024).
5. Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа. Екатеринбург: Академический проект; Деловая книга, 2004. 464 с.
6. Омри А., Фаттахова Н. Концептуальное пространство лексемы дом / maison в русском и французском языках // Филология и культура. Philology and Culture. 2022. № 2. С. 52–56.
7. Щепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М.: Индрик, 2003. 528 с.
8. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 227–284.
9. Красных В. В. Базовая метафора «НИЗ» и психологическая структура значения: возможные пути исследования (продолжение разговора) // Вопросы психолингвистики. 2022. № 4 (54). С. 36–57.
10. Захаренко И. В. Архетипическая оппозиция «свой – чужой» в пространственном коде культуры // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / Ред. кол. М. Л. Ковшова, В. В. Красных, А. И. Изотов, И. В. Зыкова. М.: МАКС Пресс, 2013. С. 15–31.
11. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: Миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.

Библиографический список

1. Николина Н. А. Филологический анализ текста: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Академия, 2003. 256 с.
2. Сазонова Т. Ю., Бороздина И. С. Содержание пространственных концептов как отражение культур-

ного знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 2 (23). С. 27–33.

3. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 344 с.

References

1. Dmitrieva, Yu. L. (2024). *Yazykovye sredstva vyrazheniya prostranstvennoi modeli mira i eyo klyuchevykh obrazov: na materiale proizvedenii S. A. Esenina: avtoreferat dis. ... d-ra filol. nauk* [Linguistic Means of Expressing the Spatial Model of the World and Its Key Images: Based on the Works of S. A. Yesenin: Doctoral Thesis Abstract]. Gorlovka, 46 p. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01012962571> (accessed: 29.09.2024). (In Russian)

2. Khafizova, N. A. (2017). *Gendernye osobennosti prostranstvenno-vremennogo bytovaniya* [Gender Features of Space-Time Existence]. *Kul'tura i iskusstvo*. No. 5, pp. 54–67. (In Russian)

3. Matveeva, A. (2023). *Spryatannye reki* [Hidden Rivers]. 250 p. Moscow, izdatel'stvo AST, Redaktsiya Eleny Shubinoi. (In Russian)

4. Elizabeth Gilbert. *Eat, Pray, Love*. URL: <https://studfile.net/preview/4344606/> (accessed: 30.09.2024). (In English)

5. Babenko, L. G. (2004). *Filologicheskii analiz teksta. Osnovy teorii, printsipy i aspekty analiza* [Philological Analysis of the Text. Fundamentals of Theory, Principles and Aspects of Analysis]. 464 p. Ekaterinburg, Akademicheskii proekt; Delovaya kniga. (In Russian)

6. Omri, A., Fattakhova, N. (2022). *Kontseptual'noe prostranstvo leksemy dom / maison v russkom i frantsuzskom yazykakh* [The Conceptual Space of the Lexeme Дом / Maison (House) in Russian and French]. *Philology and Culture*, No. 2, pp. 52–56. (In Russian)

7. Shchepanskaya, T. B. (2003). *Kul'tura dorogi v russkoi miforitual'noi traditsii XIX-XX vv.* [The Culture of

the Road in the Russian Mythological and Ritual Traditions of 19th – 20th Centuries]. 528 p. Moscow, Indrik. (In English)

8. Toporov, V. N. (1983). *Prostranstvo i tekst* [Space and Text]. *Tekst: semantika i struktura*. Pp. 227–284. Moscow, Nauka. (In Russian)

9. Krasnykh, V. V. (2022). *Bazovaya metafora "NIZ" i psikhologicheskaya struktura znacheniya: vozmozhnye puti issledovaniya (prodolzhenie razgovora)* [The Basic Metaphor "DOWN" and the Psychological Structure of Meaning: Possible Ways of Research (Continuation of the Conversation)]. *Voprosy psikholingvistiki*. No. 4 (54), pp. 36–57. (In Russian)

10. Zakharenko, I. V. (2013). *Arhetipicheskaya oppozitsiya "svoi – chuzhoi" v prostranstvennom kode kul'tury* [Archetypal Opposition "friend or foe" in the Spatial Code of Culture]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya*. Sb. statei. Red kol. M. L. Kovshova, V. V. Krasnykh, A. I. Izotov, I. V. Zykova. Pp. 15 – 31. Moscow. MAKSS Press. (In Russian)

11. Krasnykh, V. V. (2003). *"Svoi" sredi "chuzhih": Mif ili real'nost'?* [A Friend among Foes: Myth or Reality?]. 375 p. Moscow, Gnozis. (In Russian)

Bibliographic list

1. Yakovleva, E. S. (1994). *Fragmenty russkoi yazykovoi kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriyatiya)*. [Fragments of the Russian Linguistic Picture of the World (Models of Space, Time and Perception)]. 344 p. Moscow. Gnozis. (In Russian)

2. Nikolina, N. A. (2003). *Filologicheskii analiz teksta: Ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ped. ucheb. zavedenii* [Philological Analysis of Text: A Textbook]. 256 p. Moscow, Akademiya. (In Russian)

3. Sazonova, T. Yu., Borozdina, I. S. (2010). *Soderzhanie prostranstvennykh kontseptov kak otrazhenie kul'turnogo znaniya* [Content of Spatial Concepts as a Reflection of Cultural Knowledge]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*. No. 2 (23), pp. 27–33. (In Russian)

The article was submitted on 18.11.2024

Поступила в редакцию 18.11.2024

Насибуллова Гузель Ришатовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
Guz1983@mail.ru

Nasibullova Guzel Rishatovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
Guz1983@mail.ru